

Глава 22. Вон!

—

Хотя Си Сяньцин и не получил от Шэнь Ин много ценной информации, во время общения он получил предварительное представление о ее духовном облике и характере.

На следующее утро, проснувшись, он все же начал с разработки идей, связанных со змеей, набросал несколько эскизов и отобрал несколько основных камней более нежных оттенков.

Ювелирные украшения на этих эскизах с первого взгляда действительно соответствовали мягкому, но в то же время стойкому характеру Шэнь Ин, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что они красивы, но их красота слишком поверхностна, в них нет никакой истории, достойной изучения.

Это были работы, которые могли бы хорошо продаться в холодной витрине элитного ювелирного магазина, но не соответствовали собственным стандартам Си Сяньцина.

Раздраженный, он отложил ручку и вышел из комнаты, обнаружив, что в гостиной царит странная тишина.

Дверь в соседнюю спальню была открыта, постель была аккуратно заправлена, что означало, что хозяин комнаты некоторое время отсутствовал

Си Сяньцин слегка удивился, и тут же его охватило необъяснимое беспокойство.

Он никогда не видел, чтобы человек, который не может ходить, каждый день так беспорядочно бегал.

Затем он что-то понял, повернул голову и посмотрел на экспериментальную капсулу, стоящую посреди сада за окном.

Чжу Мин только что опустил пипетку, как услышал, что дверь экспериментальной капсулы открывается.

«Либо стой там и не двигайся, либо надень лабораторный халат, который лежит рядом, и надень перчатки, прежде чем подойти».

Чжу Мин, не оборачиваясь, тихо предупредил: «Это не только для твоей защиты, но и для того, чтобы предотвратить заражение маленьких клеток, которые я так усердно выращивал в течение недели».

Си Сяньцин замер и остановился на месте.

На самом деле, после нескольких предыдущих консультаций Си Сяньцин уже смутно осознавал выдающиеся способности этого человека.

Но поскольку тон речи Чжу Мина всегда был легкомысленным, а в его поведении не хватало той серьезности, которая должна быть у профессионального ученого, и он всегда улыбался, было трудно осознать, что он на самом деле был профессиональным исследователем.

Но в этот момент Чжу Мин, одетый в белый лабораторный халат, спокойно сидел за лабораторным столом и работал.

Его состояние было сосредоточенным и деловым, чего Си Сяньцин никогда раньше не видел, его движения были уверенными и ловкими, совершенно не похожими на его обычную легкомысленную манеру.

Он ровно держал пипетку и последовательно добавлял какую-то неизвестную жидкость в лунки планшета, затем запечатал его прозрачной пластиковой пленкой и поместил в неизвестный прибор.

Умело нажав несколько кнопок на экране, Чжу Мин выдохнул и снял перчатки только тогда, когда машина издала гудящий звук работающего механизма.

Повернувшись к Си Сяньцину, он снова принял свою обычную улыбающуюся манеру: «Я думал, ты сегодня утром будешь занят рисованием, почему ты здесь?»

Си Сяньцин с трудом пришел в себя.

Он, конечно, не мог сказать, что у него нет вдохновения и ему нечем заняться, поэтому через некоторое время сказал: «Экспериментальную капсулу купил я, и тебя нанял я. Я пришел проверить ход твоей работы, есть какие-то проблемы?»

«Никаких проблем».

Чжу Мин снял лабораторный халат, указал на стоящий рядом прибор и спокойно доложил о ходе работы: «На самом деле, нужно проверить последние несколько раз, и мы сможем попробовать первую партию лекарства».

Си Сяньцин хмыкнул.

«Этот тест ПЦР займет некоторое время, я планирую воспользоваться этим и съездить к фанату, у которого вчера был выездной осмотр».

Чжу Мин склонил голову и мягко предложил: «Чжоу Чжоу сегодня встречается с друзьями, поэтому он не сможет пойти, приглашаю тебя поехать со мной. Ресторан этого фаната находится на берегу моря, там гораздо оживленнее, чем в этих сказочных горах».

Си Сяньцин: «Не пойду».

Чжу Мин добавил аргумент: «Ты ни разу не спускался с горы после приезда во Второй округ, можешь посмотреть на море, может быть, найдешь там немного вдохновения».

Си Сяньцин невольно возразил: «Кто сказал, что у меня нет вдохновения?»

Чжу Мин невинно сказал: «Я сказал, что можно поискать вдохновение, я не говорил, что у тебя его нет».

«...Не пойду». Си Сяньцину не нравилось, когда его так легко читают, он холодно отказался, а через некоторое время специально подчеркнул: «Я очень занят и не люблю многолюдных мест».

Чжу Мин кивнул и не стал настаивать.

Он убрал лабораторный стол, положил сенсорные перчатки и блокнот в свою сумку: «Тогда я пойду, а ты...»

Подняв голову, он увидел, что Си Сяньцин слегка нахмурился и сверху вниз смотрит на его сумку.

Чжу Мин: «...Что-то не так?»

Си Сяньцин: «Ты тоже надеваешь эти перчатки, когда осматриваешь других?»

«Естественно».

Чжу Мин застегнул молнию на сумке и спокойно ответил: «Хотя это не такая редкость, как случай с нашим 'Средством для мытья посуды', случай потери овечьей шерсти также очень ценен для исследования».

Слова «наш» и «редкий» на мгновение порадовали Си Сяньцина, но, выслушав всю фразу, он не стал менее хмурым.

Вспомнив вчерашний опыт, Чжу Мин с головной болью вздохнул и медленно направил инвалидное кресло к двери капсулы: «В любом случае, я уйду первым. Надеюсь, сегодня

маленькая девочка сможет сотрудничать».

В следующее мгновение рука внезапно преградила путь Чжу Мину.

Подняв глаза, он увидел, как красивый молодой человек у двери поднял подбородок и, нерешительно поджав губы, отвел взгляд.

Чжу Мин: «...Что случилось?»

Полчаса спустя Чжу Мин и Си Сяньцин оказались в оживленном приморском городке Второго округа.

По какой-то причине Си Сяньцин внезапно изменил свое решение и перед отъездом и неохотно согласился отправиться в путешествие с Чжу Мином, объясняя это тем, что «действительно можно черпать вдохновение из местных источников».

В конце концов, Чжоу Чжоу сегодня не было, и если кто-то будет рядом, вероятность того, что инвалидное кресло застрянет в песке, будет меньше, что очень порадовало Чжу Мина.

Чжу Мин, передвигаясь на инвалидном кресле, и так привлекал внимание. А теперь за ним еще и шел Си Сяньцин в солнцезащитных очках, с слегка расстегнутым воротником рубашки и бесстрастным лицом.

Оба были необычайно красивы, и внимание к ним удвоилось.

Чжу Мин вздохнул и начал немного жалеть, что взял этого человека с собой.

Вчера поток посетителей был слишком велик, поэтому сегодня Чжу Мин специально выбрал время после обеда, когда ресторан был закрыт.

Столы в ресторане блестели от чистоты, из черной печи для лепешек еще шел жар. Си Сяньцин издали остановился перед магазином, сохраняя дистанцию, и кратко сказал: «Я не пойду внутрь».

Внешний вид и манера поведения этого человека действительно не соответствовали атмосфере маленького городского ресторанчика, поэтому Чжу Мин не стал настаивать: «Хорошо, я постараюсь как можно быстрее».

Заехав в пекарню на инвалидном кресле, Чжу Мин увидел Лян Дачао, склонившегося над полом с тряпкой.

Было время отдыха, когда не было посетителей, и Лян Дачао выпустил свою духовную форму – игривого золотистого ретривера, который радостно вилял хвостом и весело вместе с хозяином протирает пол.

Увидев Чжу Мина, Лян Дачао обрадовался: «Брат Чжу, ты пришел! Ой-ой, вчера было так неудобно... Эй, а кто это там у двери?»

Чжу Мин оглянулся и прямо сказал: «Мой муж».

Непонятно, показалось ли это Чжу Мину, но Си Сяньцин у двери, казалось, посмотрел в их сторону.

«А, да-да, я еще в новостях видел сообщение о вашей свадьбе».

Лян Дачао хлопнул себя по лбу, словно что-то вспомнив, и, почесывая затылок, хихикнул: «Какая прелесть, вы приехали в свадебное путешествие и специально зашли сюда, чтобы бесплатно проконсультировать фаната, мне так неловко».

Слово «медовый месяц» заставило веки Чжу Мина невольно дернуться.

Он слегка улыбнулся и перевел разговор в нужное русло: «Ваш босс сегодня здесь?»

«Отдыхает сзади, я сейчас же ее позову».

Лян Дачао понизил голос: «Ситуация с нашей А'Жун немного необычная, она очень хороший человек, просто у нее немного взрывной характер и много раздражающих факторов, поэтому, брат Чжу, я хочу тебя немного предупредить...»

«Лян Дачао, ты что, драки ищешь?»

Раздался звонкий женский голос сзади: «Я же сказала, что я не больна и мне не нужно, чтобы кто-то меня лечил. Попробуй еще раз привести сюда этих шарлатанов, выманивающих деньги, посмотрим, что будет!»

Чжу Мин, закончивший медицинский университет Седьмого района с отличием и первым местом, к тому же единственный, кто получил максимальный балл: «...»

Голос Цзи Жун был довольно громким, а тон – недружелюбным. Си Сяньцин у двери снова обернулся и, нахмурившись, посмотрел в их сторону.

Лян Дачао поспешил объяснить: «Нет, нет, доктор Чжу – профессиональный врач из Седьмого

района, он случайно приехал сюда с мужем в свадебное путешествие и из добрых побуждений хотел взглянуть на тебя».

Цзи Жун на мгновение замерла.

Происхождение из Седьмого района действительно звучало убедительно, она бросила на Чжу Мина быстрый взгляд, явно немного смутившись.

Но в конце концов она поджала губы и твердо сказала: «Простите, я действительно не больна и мне не нужно лечение».

Чжу Мин слегка улыбнулся и просто достал из сумки две заранее приготовленные бутылочки с таблетками и положил их на стол.

«Ничего страшного», – сказал он. «Просто я случайно очень хорошо разбираюсь в аномалиях шерсти духовных форм, поэтому принес вам немного лекарств, которые могут вам понадобиться».

«Зеленая бутылочка – для профилактики выпадения шерсти духовной формы, фиолетовая – для улучшения качества шерсти».

С этими словами Чжу Мин направил инвалидное кресло к двери: «Тогда я не буду вас больше беспокоить».

Цзи Жун несколько секунд растерянно смотрела на две бутылочки с таблетками на столе.

Она подняла глаза и тут же увидела, что Чжу Мин, сидящий в инвалидном кресле, с трудом направляется к двери.

Лян Дачао, наблюдавший за всем происходящим, выглядел немного колеблющимся – потому что, когда Чжу Мин только вошел, он управлял инвалидным креслом очень умело, даже ловчее некоторых здоровых людей.

Но Цзи Жун этого не заметила, она поняла, что, кажется, была слишком груба – этот добродушный врач из Седьмого района, хотя сам не мог ходить, специально проделал долгий путь, чтобы привезти ей лекарства.

Ее выражение лица тут же стало сложным.

Цзи Жун теребила фартук, ее лицо покраснело, она долго молчала, а потом сказала: «Пожалуйста, пожалуйста, подождите минутку!»

Чжу Мин остановил инвалидное кресло и обернулся.

«Услуга за услугу».

Цзи Жун нерешительно сказала: «Как раз сейчас мы разрабатываем новое меню для послеобеденного чая, если вы не против, пожалуйста, останьтесь и попробуйте».

Чжу Мин, казалось, удивился, а затем мягко сказал: «С огромным удовольствием».

Цзи Жун отправила Лян Дачао на кухню готовить лепешки, а сама стояла у стола и украдкой смотрела на надписи на бутылочках с лекарствами, то слева, то справа.

Чжу Мин мягко подсказал: «Таблетки из зеленой бутылочки можно попробовать принимать по две в день, утром и вечером после еды. Если выпадение шерсти особенно сильное, можно перед сном принять еще одну таблетку из фиолетовой бутылочки».

Цзи Жун словно вздрогнула, подняла на него глаза и все еще хотела возразить, что «не больна».

Но голос Чжу Мина был мягким, и у него было такое доброе лицо, которому невозможно было отказать.

Цзи Жун посмотрела ему в глаза и в конце концов не смогла упрямитесь, осторожно положила бутылочки с лекарствами в карман фартука: «Хорошо».

Затем она на мгновение задумалась и наконец выпустила своего духовную форму – черную овцу.

«Если вы не против», – ее пальцы теребили край фартука, голос был очень тихим, – «можете ли вы посмотреть на нее после того, как мы поедем лепешки?»

Чжу Мин беззвучно выдохнул: «Конечно».

В то же время Си Сяньцин, долго стоявший у двери, тоже снизошел и вошел в маленький магазинчик.

Чжу Мин, доставая из рюкзака сенсорные перчатки, готовясь осмотреть Цзи Жун, тихо поддразнил: «Что, будущий представитель нашего Шестого округа все-таки решил попробовать послеобеденный чай в маленьком городском магазинчике?»

Си Сяньцин сел, снял солнцезащитные очки и элегантно положил их рядом: «На улице

слишком солнечно».

Чжу Мин: «...»

В это же время Лян Дачао радостно выбежал из кухни: «Кукурузные лепешки готовы!»

Золотистые маленькие круглые кукурузные лепешки лежали в маленькой бамбуковой корзинке, застеленной красно-белой клетчатой салфеткой, атмосфера приморского курорта была повсюду, в воздухе витал сладкий аромат углеводов, вызывающий ощущение счастья.

Неожиданно Цзи Жун, взглянув на них, подняла руку и отвесила Лян Дачао звонкий щелчок по лбу.

«Лян Дачао, ты совсем без мозгов! Когда мы разрабатывали меню, я тебе тысячу раз говорила, что эту лепешку обязательно нужно подавать с малиновым соусом, тогда вкус будет более кисло-сладким и освежающим...»

Она подперла бока руками и топнула ногой: «Ладно, я сама принесу».

В самом центре каждой кукурузной лепешки был выжжен маленький рисунок.

Верхняя часть напоминала лепесток цветка, а нижняя - пушистое мягкое облако.

Как дизайнер, Си Сяньцин всегда чувствителен к геометрическим узорам и не мог не обратить на них внимания.

Чжу Мин, увидев, что он все еще не притронулся к еде, спросил: «Что случилось? Только не говори, что тебе не нравится. Вчерашнюю лепешку ты съел до последней крошки».

Неожиданно получив резкий ответ, лицо Си Сяньцина изменилось: «Дело не в лепешке, а в этом рисунке. Мне кажется, я его где-то видел».

Чжу Мин еще не успел среагировать: «Видел? Когда?»

Си Сяньцин задумался: «Вчера, в ресторане на встрече».

Чжу Мин не успел открыть рот, как с кухни донесся громкий грохот.

Поднос выпал из рук Цзи Жун, ее лицо стало ужасно бледным.

«Вы видели этот рисунок?»

Она пристально смотрела на лицо Си Сяньцина: «Где вы его видели?»

Си Сяньцину не понравился ее вопросительный тон, он нахмурился.

Он холодно скрестил руки на груди и ответил: «В одном ресторане. Такой же рисунок был вышит на салфетках».

«Это был ресторан представителя Второго округа?»

Лицо Цзи Жун покраснело, губы слегка дрожали, она недоверчиво спросила: «Ресторан Шэнь Ин?»

Цзи Жун не успела спрятать свою духовную форму.

Поэтому Чжу Мин остро заметил, что во время резких эмоциональных колебаний задняя часть ее черной овцы снова дернулась, и с нее посыпалось несколько клочков шерсти.

Она была слишком взволнована.

В тот момент, когда прозвучало имя «Шэнь Ин», выражение лица Лян Дачао тоже резко изменилось, он широко открыл глаза.

Его рот открывался и закрывался, он поднял руку, пытаясь остановить Си Сяньцина, но грудь Цзи Жун сильно вздымалась, и тут же она задала вопрос: «Какие у вас отношения с Шэнь Ин...?»

Аттестация была личным делом Си Сяньцина, и он считал, что не обязан раскрывать эту информацию посторонним.

Поэтому Си Сяньцин поднял подбородок и равнодушно сказал: «Друзья. А что?»

Цзи Жун тут же широко раскрыла глаза.

Краснота на ее щеках распространилась до шеи, она закусила губу, ее грудная клетка быстро вздымалась – это были признаки полной потери контроля над эмоциями, крайнего гнева и волнения.

Чжу Мин увидел, как задняя часть черной овцы за ее спиной начала неконтролируемо и часто дрожать, и в маленьком ресторане началась черная метель.

Через некоторое время Цзи Жун дрожащим голосом выдавила два слова: «...Вон!»

«Сейчас же, немедленно, выйдите из моего магазина!»

—

Примечания автора:

Маленькая лисичка мягко заманивает, слой за слоем, хитрость за хитростью, шаг за шагом, направляя пациента к полной откровенности.

Большой павлин элегантно прошествовал мимо, красиво виляя задом, и в одно мгновение свел на нет все его усилия.

—

<http://bllate.org/book/14498/1283129>